

Сергей ЧЕРНЫШЕВ,
директор
Русского института

Александр ТРУШИН

Есть в мире нечто большее, чем имущество, богатство, что может озолотить и, наоборот, разорить, что заставляет человека быть ответственным перед собой, перед близкими и перед обществом. Это — собственность. Так считает Сергей Чернышев, директор Русского института.

— Что такое собственность? Очевидно, это понятие не вполне соответствует слову «имущество». Как они соотносятся?

— Если в языке есть два разных слова, значит, есть и два разных понятия. Другое дело, что одно может быть частью другого. Когда-то я на «капустнике» предложил типовую структуру советского НИИ. Там были всего два подразделения: отдел борьбы с империализмом и сектор всего остального. Весь социальный мир можно поделить на собственность — и все остальное. При этом остального окажется негусто. Вслушайтесь в вопрос: собственно, а мы-то сами кто такие? Собственность — слишком широкое и одновременно глубокое понятие для обыденного рассудка.

— Почему собственность считается одной из основ рыночного хозяйства?

— А до эпохи рынка собственности разве не было?

— Но без определения собственности, когда мы не понимаем, что это такое, тоже невозможно действовать.

— Еще как возможно. Без определения кошки родятся. Определение на практике бывает нужно в считанных случаях: например, когда кому-то придет в голову на-

Имя

учить компьютер отличать любую вашу собственность от чужой. Те же капиталисты существовали долгое время до Маркса, не определяя, что такое капитал.

Если собственник заинтересовался, что такое собственность, возникает сильное подозрение, что у него поехала крыша и он вот-вот разорится. Праздный интерес к теории собственности возникает обычно у людей, у которых ее либо нет и нет надежды занять, либо так много, что они пытаются перестать ею управлять, перепоручив это другим. Человек, интересующийся понятием собственности, должен быть богат, как Дерипаска. А тот, как мы знаем, уже не богат. Вполне возможно, у него кроме реструктурируемых долгов ничего и не осталось. Искренне желаю, чтобы он выплыл из этой ситуации.

— То есть собственность — некая непостоянная величина, то, чего сегодня много, а завтра может стать мало или не будет вообще?

— Так было всегда. Вы накопили собственность, утром просыпаетесь — фондовый рынок обвалился, у вас капитализация упала на \$6 млрд. Вы при этом спали и ничего плохого не делали. Разве что не караулили индексы с ружьем — но боюсь, это бы не помогло. Капитализация вашей собственности определяется без вашего участия.

Сущность общественного человека — это и есть его собственность, совокупность всех отношений с другими собственниками. Иных отношений у социального человека и не бывает.

собственности

ВЛАДИМИР ХАХАНОВ

И в любой момент может оказаться, что цена того, что вы имеете либо производите, упала на рынке ниже себестоимости и вы в полном минусе. Получается, что собственность в этом смысле — что-то типа судьбы, от вас не зависит.

— **Откуда она берется — от Господа Бога, от человеческого труда?**

— Могу очень долго на этот вопрос отвечать — занимаюсь ею больше 25 лет. Не хотел бы показаться занудой, который в ответ на неосторожный вопрос «Как дела?» хватает вас за пуговицу и начинает рассказывать, как дела... Вот вы собственник?

— **Не знаю.**

— Может, у вас что-то есть?

— **Есть дача, квартира, машина.**

— Студентам я обычно объясняю: разница между собственником и несобственником фундаментальная. Как между двумя людьми, едущими на «Лексусах», но один — на своем, кровном, а другой — наемный водила.

Водила знай себе крутит баранку, в крайнем случае не прочь «побомбить». Владелец же опутан паутиной отношений с другими собственниками и агентами: с дилерами, держателями автосервиса, гаражным кооперативом, заправщиками, страховщиками, автоинспекторами и налоговиками... Собственность может самоприрастать, добавлять вам собственности, а может — отнимать.

— **Следовательно, собственность неравнозначна богатству?**

— Конечно, раз ее можно потерять, ничего не делая. Что-то произошло за ночь на фондовом рынке в другом полушарии — и ваша собственность подешевела. Но она же утром и подорожать может! Можно продать часть своей собственности в момент, когда она подорожала, и выйти в кэш. Вы вышли из игры, зато — с прибылью. Таким образом, ваша собственность может принести вам кучу богатства, а может и унести.

— **Так в чем же сущность собственности?**

— В «Логике» Гегеля есть три главных раздела: «бытие», «сущность» и «понятие». Мы с вами до сих пор говорили про бытие собственности. Бытие собственности люди ощущают не через определения, а через свой жизненный опыт: покупка, наследство, налоги... Если же начать

голыми руками хвататься за сущность собственности, поймаешь пустоту, либо самого себя. Ведь сущность общественного человека, как объяснял Маркс, — это и есть его собственность, совокупность всех отношений с другими людьми-собственниками. Иных отношений с социальным человеком и не бывает.

— **А понятие собственности?**

— Чтобы ощутить масштаб проблемы... В свое время мне пришла в голову безумная идея, что «собственность» и «свобода» — однокоренные слова. Полез в словарь Даля, начал проверять. Оказалось, что «свойство», «свобство», «собство» (с беглым «в») — однокоренные слова. Даль приводит поговорку: «Слишком много у него свобства» — в смысле: шибко он выпендривается. Потом как-то в бессонницу выдернул с полки наугад книжку Бонгард-Левина «Индия в древности» и прочел там про санскритский корень «сами», «свами» (беглый звук «в»), — «учитель, царь, собственник».

«Свобода», «сущность», «свойство» и «собственность» — однокоренные слова. Мы упираемся в корневые понятия языка. Так что я не шутил: есть собственность — и все остальное. Поэтому-то и спросить про нее «извне» ничего нельзя, собственность прячется уже в самом вопросе, а не только в ответе. Есть ощущение, что весь человеческий мир (я имею в виду человека социального, живущего в со-обществе и пребывающего в со-знании) заключен внутри собственности, она объемлет его. Человеческая сущность — это и есть его собственность. Мы говорим на языке, но слова не мы придумали, только выучили. Не мы владем языком, но язык владеет нами. Следовательно, мы являемся собственностью языка. В этом смысле каждый человек — собственность собственности. Мы все — ее частицы, ее игрушки, элементы.

— **Получается, что человек свободен благодаря собственности и в то же время обременен ею?**

— А вам не случилось быть обремененным свободой? Приходите в магазин за сверлом, а их там пять стеллажей во всю стенку сверху донизу, и все разные. Вам говорят: выбирайте. Да не в силах я выбирать, отпустите меня...

Да, человек обременен собственностью. Когда солдат тащит при переходе миномет, он обременен. Но если атакует супостат, обороняющемуся такая собственность очень кстати. Говорят, запас карман не тянет. Главные вопросы, нужна ли человеку эта собственность и умеет ли он ею пользоваться. Собственность как гигантский магазин, где вы можете случайно купить то, что вам не нужно, и, увы, не найти то, что надо. Тогда вы должны иметь возможность быстро обменять одно на другое. Так люди меняются квартирами. Вы должны конвертировать вашу собственность из вида, который вам не нужен, в вид, который необходим. Собственность такую возможность предоставляет. В принципе. Но вы должны иметь способность это делать — еще одно слово с тем же смыслом, спрятанным внутри.

Можно сказать, что собственность из свободы перейдет в чистое обременение человека, но это должен быть всеобъемлющий Человек-с-большой-буквы, в котором все уже прекрасно — «и лицо, и одежда, и душа, и мысли», и который тождествен своему Понятию. Бог дает человеку собственность, как взрослый дает младенцу игрушки. И вот тот сидит в манежке, хватает кубики, подбрасывает, выкидывает, собирает, тянет в рот. Для того чтобы человек познал самого себя и стал человеком в полном

смысле слова, Всевышний дает ему возможность выразить внутреннее содержание в виде внешних игрушек. Человек с ними играет, кусает, обжигается... Постепенно вбирает, строит себя, строя дома, бизнесы, корпорации.

Нормального же человека собственность не обременяет, наоборот: вы мне дайте имущества поболее, потом будем рассуждать, у вас-то есть дача с волкодавами и три автомобиля, а у меня нет. Говорят, правда, у богатых свои проблемы. Была такая русская притча: «Богачу-дураку день и ночь не спится, бедняк гол как сокол, поет-веселится». Богатого собственность обременяет до того момента, пока он не овладел ею настолько, что либо артистично тратит на управление ею минимум времени, либо нанимает для этого менеджеров, и те управляют, пользуясь готовыми стандартами издержек, стандартами качества. Наемный управляющий твердо знает: на вашем типе производительных сил издержки должны быть такие. Ниже опустить хотя теоретически и возможно, но себе дороже, экономия не окупит затрат. А выше — конкуренты не допустят. И тогда собственник спокойно едет отдыхать — эта часть собственности его больше не обременяет.

— **В это время «менеджеры» его собственность потихоньку разворовывают.**

— Это значит, что остался зазор между управленческим стандартом и реальной деятельностью, допускающей злоупотребления. Представьте, водила на вашей корпоративной машине левачит. Да поставьте датчик GSM и всегда будете знать, куда он едет. Он тут же лишится этой степени свободы. Другое дело, что часть людей после этого уволится, но это те, кто воровал. Теперь повысьте зарплату оставшимся до уровня реальных издержек. Обратите внимание, такая технология работает не только против леваков, но и против работодателей, которые не доплачивали. Теперь ваш водитель не может левачить, но платите ему столько, сколько ему по-настоящему надо.

«Собственность» и «свобода» — однокоренные слова.

РИА-НОВОСТИ

Вот так устроена собственность. Вы освоили какую-то сферу, она практически автоматизирована, или, как говорят философы, «ушла в основание». Теперь это первый этаж вашего дома, вам здесь ничего делать не надо, сами вы живете уже на втором, а строите третий. Так же и с собственностью: вы ее строите, а она строит вас. То, что достроили, вас уже не обременяет.

— Каким образом капитализация связана с собственностью?

— Капитализация — всего лишь характеристика одного из слоев собственности. Вроде бы все знают, что капитализация это стоимость компании на рынке. При этом лучше не спрашивать, какой рынок имеется в виду — фондовый или товарный, чтобы не ставить человека в неудобное положение.

— Как дом, в котором мы живем, можно капитализировать?

— Возьмите кредит под залог дома. Дом остался вашим — в физическом смысле, вы в нем продолжаете жить. Правда, до тех пор, пока не разорились и можете расплачиваться по кредиту и платить налоги. Стоимость дома выдали на руки деньгами, теперь их можно вложить в дело, превратить в капитал. Если вы взяли кредит под 9%, а деньги ухитрились положить на депозит под 11%, то вы — рантье, двух процентов разницы может на жизнь хватить. Или можете тот же кредит, не обналичивая, вложить в акции какого-нибудь предприятия и стать его долевым собственником, получать там доход. Вот вам и капитализация, вы превратили дом в капитал.

«Капитализация», таким образом, имеет два смысла. Во-первых, банальный: стоимость собственности. Во-вторых, это слово означает процесс, превращающий все что угодно в капитал, в источник добавленной стоимости.

— В праве прописаны разные формы собственности — частная, государственная, коллективная.

Ответственность — главный признак собственника.

Если вы получили в собственность предприятие, оно должно работать.

Остановить завод все равно что врачу остановить у больного аппарат искусственного сердца — подсудное дело.

Они как-то связаны между собой? Если учесть, что вы говорили в начале, могут ли быть вообще разные формы собственности?

— Раз есть такие слова, значит, за ними стоят реальности. Язык владеет нами, и глупо говорить ему: язык, ты не прав. Однако в сферах не устоявшегося содержания язык позволяет разночтения: одно и то же называется разными словами, разное называется одним и тем же. Но, задаваясь такими вопросами, надо понимать, какую задачу мы помогаем решать искушенному читателю-практику? Попробую отвечать, имея это в виду.

Парадокс в том, что есть только один вид не частной собственности — это собственность всего человечества. Собственность страны, то есть части человечества, ограниченной госграницами, тем самым уже частная собственность. Это наша часть шельфа, поэтому это наша частная собственность. В этом смысле собственность государства, как части страны, тем более частная.

Коллективная? Например, садовое товарищество, где есть общий забор. Но это тоже частная собственность, потому что в отношении того, что обнесено забором, часть граждан страны имеет привилегии.

Если же брать традицию словоупотребления, обычно под частной имеют в виду личную собственность одного человека. Что такое при этом личная собственность? Штаны, которые я ношу и вроде бы не собираюсь капитализировать путем сдачи в аренду. А под частной, вероятно, подразумевается такая личная собственность, которую я могу использовать, чтобы приумножить. Мы пытаемся сейчас понять логику общепринятого словоупотребления. Но стоит только перейти к более строгим понятиям, выяснится, что личная собственность — тоже частная. Те же штаны я покупаю в магазине и храню чек, чтобы вернуть, если не подойдут. В данном случае мои штаны еще не совсем мои, потому что у меня есть возможность их вам вернуть, они еще слегка ваши. Если же, запутавшись в штанах, человек упал и потерпел ущерб, можно вообще отсудить миллион долларов у производителя или у магазина. Вспомните истории про людей, обжегшихся горячим кофе и отсудивших круглые суммы у «Макдональдса». На Западе это в порядке вещей.

Как только вы начинаете разбираться, границы между личным и частным размываются. Если грабитель снял с вас штаны в подворотне, на помощь приходит доблестная милиция, оплачиваемая налогами всех сограждан. Так что хотим мы того или нет, но штаны, в которых вы сидите, являются отчасти собственностью всего народа. Но зато и нефть, и любое месторождение — отчасти ваша собственность. Нет ничего, что было бы однозначно, жестко вашим или не вашим.

— Давайте рассмотрим вот такой случай. В земле есть полезные ископаемые, например нефть. Приходит нефтяная компания, начинает бурить, потом продает нефтепродукты и получает доход. В какой момент нефть из общенародной становится собственностью компании?

— Конституция начинается словами: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...». Так вот, мы, народ, учредили государство и наделили его некоторыми полномочиями. В соответствии с ними государство от нашего имени выступает как собственник. При этом оно владеет всеми ресурсами, включая нефть.

Понятно, что государство — несовершенный собственник, и если оно само начнет бурить-сверлить, все возмущаются: и демократы, и либералы, и коммунисты. Поэтому государство-владелец для распоряжения ресурсами назначает профессионалов. Нефть — общенародная, но бурильный агрегат — уже чей-то. Нефть — это ресурс, а бурильный агрегат — производственный фонд, с помощью которого ресурсы превращаются в продукты потребления. Чтобы получить гослицензию на добычу нефти, нужно, в частности, предъявить адекватные производственные фонды и компетенции по распоряжению ими. Как правило, в современном мире производственные фонды — это сложные комплексы агрегатов, ими владеют корпорации.

Где же появляются частники? У корпорации, конечно, есть собственники. Но в современном обществе почти немислимо, чтобы корпорация с огромными производственными фондами была в собственности одного человека. Отдельный человек, как правило, в лучшем случае, владеет процентом-двумя. То есть у вас — конкретного собственника — там есть актив, которым вы пользуетесь. Продать вы можете только эту долю-актив, воплощенную в акциях. Поэтому купли-продажи акций к перебивам в производстве не приводят.

Таким образом, пока нефть станет чьей-то, она претерпевает фундаментальные изменения. Нефть в земле — собственность всего народа, от имени которого государство владеет всеми ресурсами. Корпорации с помощью производственных фондов нефтью распоряжаются. Обратите внимание: нефть в земле и нефть в трубе — две экономически разные субстанции. Все равно как мясо, пропущенное через мясорубку. Корпорации зарабатывают на этой разнице. Наконец, на уровне акционеров проявляется частный интерес: производственные фонды «распилены» на активы, и тот факт, что вы свой актив кому-то перепродали, не отражается ни на ресурсе, ни на производственном фонде.

Здесь уместно еще раз вспомнить Гегеля, его классическую триаду: владение — распоряжение — пользование. Нефтью всегда владеет общество. Корпорация ею только распоряжается на основании лицензии, полученной от государства. Наконец, пользуются ею, точнее доходами от ее продажи, владельцы активов, частные лица. Банк разве владеет деньгами, которые в нем лежат? Нет, деньги — ваши, а банк ими пользуется, при этом он законодательно ограничен как пользователь со всех сторон.

— Советская власть провозглашала отказ от частной собственности. Могут ли люди жить без собственности? Можно ли ее уничтожить, чтобы все были счастливы?

— Помните, в одной из главных советских песен есть слова: «Человек проходит как хозяин...». Парадокс: на уровне отношений большинство советских людей не имело возможности конструктивно исполнять роль собственника. На уровне же понятий, идеологии, наоборот, советская власть всячески поддерживала идею «ты в ответе за все», толкала человека в роль собственника. Но механизма, как это сделать, не давала.

На уровне понятий советский человек был собственником в гораздо большей степени, чем нынешний. Сегодня если ты не Дерипаска, то непонятно кто, ведь слово «пролетарий» не в ходу. Скорее, бюджетник, что-то типа бомжа, слова даже по звучанию похожи...

Ответственность — главный признак собственника. Если вы получили в собственность предприятие, оно должно работать. Остановить завод все равно что врачу остановить у больного аппарат искусственного сердца, подсудное дело. Ведь завод для многих как воздух, вода, питание. Предприятие должно работать, приносить прибыль. Иначе владелец его просто никудашный собственник. Такого надо менять, запускать процедуру банкротства, то есть отторгать от него ту часть собственности, которой ему выпала незаслуженная честь поуправлять. Если вы как собственник допустили банкротство, вряд ли кто-нибудь с ходу доверит вам управлять другой. А своей у вас не осталось.

Человек, перестающий быть собственником, перестает быть общественным человеком. Это значит, что общество возвращает его к состоянию грудного ребенка: вот тебе манеж, игрушки, конфеты и короткие штанишки — все, что можно купить на зарплату наемного работника. Что значит: человек, живущий на зарплату? Говорящее орудие, он стоит у конвейера, где ему позволено под присмотром старшего закручивать болты, за это он получает паек — в натуре, трудоднях или в виде зарплаты. В современном обществе человек, живущий на зарплату, независимо от того, много получает или мало, ущемлен в правах, социально неполноценен. К тому же он опасен. Если вдруг его доходы упали, он не имеет возможности конструктивно на это отреагировать, он орет и стучит каской или кастрюлькой: не понимаю, почему у меня упала зарплата, поэтому, дяденьки взрослые-собственники, обратите внимание, как громко я ору. В таком положении он опасен для общества — в силу того, что неспособен к конструктивной реакции на проблемы.

Говорить же о юридической отмене собственности — глупость, это невозможно. В конце концов само право — всего лишь один из институтов, встроенных внутрь системы отношений собственности. Нельзя же отменить конституцией совесть...

Человек рожден для собственности, как птица для полета. Как частный человек он ограничен, но, становясь собственником корпоративным и национальным, преодолевает ограниченность, расширяет свои горизонты. Когда Пушкин с укором обращается к согражданам: «Мы ленивы и нелюбопытны», он взывает к их «собству», подталкивает к роли собственников. ●

Человек, перестающий быть собственником, перестает быть общественным человеком.

EAST NEWS